

КОНЦЕПЦИЯ АСИММЕТРИИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются применение концепции асимметрии в международных отношениях, различные подходы к пониманию природы асимметричных столкновений, характерные для них тактики и стратегии, а также неоднозначность результатов борьбы.

Самый беглый обзор литературы по международным отношениям последних лет показывает, что отношения «асимметрии» все чаще выделяют как значимый элемент анализа – «асимметричные угрозы», «асимметричная война», «асимметричный конфликт». В англоязычной литературе употребляют термины: *asymmetric warfare, threats, tactics, conflicts* [1, 4, 7, 9, 29, 32, 34, 39, 41, 44]. Наиболее часто понятие асимметрии применяют для характеристики отношений между несопоставимыми по силе и статусу противниками, и популярной мифологической аналогией является битва Давида и Голиафа. За небольшим исключением литературы военно-стратегического и нормативно-правового характера, выделение асимметричности, как правило, является указанием на *парадоксальный характер* таких отношений, когда слабый противник способен нанести серьезный ущерб и даже навязать свою волю более сильному противнику, а сильный не всегда может обеспечить собственную безопасность и подчинить слабого. *Анализ стратегии и тактики борьбы слабых против сильных и составляет суть изучения асимметричных отношений.* Причем если теоретики и аналитики в большей степени заинтересованы в ответе на вопрос, почему возможна победа слабого или чем обусловлено поражение сильного, то для практиков (политиков и военных) важным является поиск оптимальной стратегии в подобных ситуациях.

Важно отметить, что существует, несомненно, встречное изучение этого феномена – как «слабыми», так и «сильными», однако фундаментальные и многочисленные исследования этой проблемы, выходящие на уровень рекомендаций и практической политики, все же представлены работами аналитиков развитых стран. Исключение составляют работы, посвященные анализу партизанских движений и движений сопротивления в условиях оккупации, написанные в странах второго мира, по следам Второй мировой войны и национально-освободительных движений послевоенного периода. Скорее ироничным, чем парадоксальным, представляется тот факт, что работы экспертов развитых стран используют их противники, а поддержка временных друзей в третьем мире может обернуться против своих спонсоров.

Министр обороны США Уильям Коэн еще в 2000 г. отметил существование «парадокса супердержавы», ситуации, когда ни одна страна не может «напрямую бросить вызов США», однако «может угрожать косвенно посредством “асимметричных конфликтов” в форме «химической, биологической или даже ядерной войны» [40]. В данном контексте термин «асимметричный конфликт» («асимметричная война») отнесен к ситуации *шантажа*, когда слабый игрок угрожает применением оружия массового уничтожения (ОМУ)

против гражданского населения противоборствующей страны. Характерной особенностью подобного рода ситуаций является двойной шантаж – угроза заведомо недопустимого развития событий для сильной стороны, притом что слабый игрок использует запрещенное средство давления и нарушает правила игры против того, кто их создал и пытается навязать.

После терактов 2001 г. термин «асимметричные угрозы» применяют в отношении международного терроризма, а также опасности приобретения международными террористическими группами ОМУ. Пол Уилкинсон, директор Центра изучения терроризма и политического насилия, университет Сент-Эндрюс, Великобритания, назвал эту ситуацию «*реализацией силы слабого против слабости сильного*» и образно сравнил борьбу с терроризмом с работой вратаря, который может «блестяще защищать ворота команды сотни раз, но люди все же запомнят тот единственный гол, который был пропущен» [15].

Начало военной операции в Ираке в 2003 г. и неспособность коалиции сильнейших держав успешно завершить войну, установив полный контроль над страной после разгрома ее вооруженных сил, переход военных действий в партизанскую войну все чаще квалифицируют как пример классического «асимметричного конфликта» и сравнивают с войной во Вьетнаме. В данном случае вновь обнаруживается явная диспропорция силовых возможностей противников, их статусов и тактики военных действий. Партизанские войны в условиях оккупации или колониального доминирования, национально-освободительные движения рассматривались как примеры асимметричных конфликтов с 1960-х гг., однако реалии мира после окончания «холодной войны» вновь заставляют вернуться к забытым урокам недавнего прошлого.

Выделив совпадающие элементы названных случаев асимметрии, можно определить основные элементы данной концепции:

- непредсказуемость исхода при явной несоразмерности силовых возможностей и статусов противоборствующих сторон;
- стратегия поиска «слабостей сильного» как способ борьбы слабого;
- обращение слабой стороны к запрещенным средствам ведения военных действий;
- тактика «непрямых» военных действий, осуществляемых слабой стороной;
- неспособность сильной стороны надежно защитить себя и добиться убедительной победы над слабым противником.

Таким образом, концепцию асимметрии используют, как правило, для анализа *парадоксальной ситуации, когда сильный противник не способен защитить*

себя и добиться победы над слабым. Встречается и более «линейное» толкование асимметрии как столкновение неравных по силовым параметрам противников, инициируемое слабой стороной, хотя поведение слабой стороны в такой ситуации рассматривается как нарушение конвенциональной логики «сдерживания» [21]. Хотя в большинстве таких конфликтов слабый противник не способен одержать военную победу, *однако ему удается навязать свою волю противнику и, таким образом, достичь политической победы, рационализирующей применение силы в соответствии с классическим определением войны.* К. Клаузевиц рассматривал войну как рациональное внешнеполитическое действие, «не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»; «война – это акт насилия направленный на *подчинение наших противников нашей воле*»; «физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) *является средством, а целью будет – навязать противнику нашу волю*» (курсив мой. – Л.Д.) [31]. Целью статьи является анализ основных теоретических интерпретаций указанного парадокса и практического применения «уроков» асимметричных конфликтов.

Попытки теоретического осмысления парадокса асимметричных конфликтов, или почему слабый побеждает сильного?

С 1960-х гг. концепция асимметрии использовалась для анализа конфликтов между развитыми и развивающимися странами и находила отражение в работах междунаrodnиков, политиков и военных экспертов. Изучение парадокса асимметричных конфликтов и попытки построения теоретических обоснований отражены в работах Э. Макка, А. Эрригин-Тафта, М. Фишерклера, З. Маоз, Г. Мерома и др. [2, 5, 10, 12, 18, 19, 23]. В этих работах обращалось внимание на то, что успех военной кампании определяется не столько силовыми характеристиками противников, сколько совокупностью факторов тактического и стратегического характера и факторами политического, психологического и идеологического свойств, что в широком понимании можно определить как невоенные факторы победы. Как отмечали многие исследователи и политики, для достижения победы необходима приверженность общества, ведущего войну, ее целям, или то, что получило название легитимации целей войны. Этот фактор является решающим как для сильной, так и для слабой стороны.

Эндрю Макк в статье «Почему большие нации проигрывают “малые войны”?» [16] обратил внимание на то, что за очевидным неравенством силовых возможностей скрываются более важные асимметрии, которые объясняют причины победы слабого и поражения сильного: *асимметрия отношений к конфликту и способности мобилизовать общество на борьбу*, которая проявляется в дихотомии «ограниченной» и «тотальной» войны, и *применение асимметричных тактик* (действия партизанских групп против регулярной армии). Главный посыл его размышлений состоял в том, что проигрывает войну тот, кто теряет политическую

волю к продолжению борьбы, а важным составляющим элементом воли является общественная поддержка целей войны. Макк сделал вывод о том, что демократические страны проигрывают «малые войны» на «внутреннем фронте», так как бывают не в состоянии мобилизовать общество на продолжение войны и оправдать ее цели, затраты и человеческие жертвы, т.е. обеспечить необходимую легитимность войны. Те страны, которые ведут войну во имя значимой общенациональной идеи, способны на долгосрочную мобилизацию материальных и людских ресурсов для достижения победы над превосходящим по силе противником.

В этой статье Э. Макк сосредоточил гипотезы, объясняющие парадокс асимметричных конфликтов, которые созвучны рассуждениям авторитетных авторов и получили дальнейшее развитие в более поздних работах.

1. Высокая приверженность общества целям войны отражается на способности мобилизовать ресурсы и людей на продолжение борьбы, что оказывает решающее влияние на достижение победы (политической). В противоборстве логики «абсолютной войны» против «малой/ограниченной войны» побеждают приверженцы абсолютной войны.

2. Р. Арон в своем монументальном труде «Мир и война между народами» писал, что причина поражения великих держав в колониальных войнах XX в. может быть объяснена асимметрией отношений «повстанец – колонизатор». Кроме неравенства сил, Арон выделил асимметрию «воли, интереса, антипатии в воинственном диалоге консерваторов и повстанцев», которая «явилась последней причиной того, что французские авторы называют поражением Запада». «Националисты, требующие независимости для своей нации (которая в прошлом существовала или нет, которая жива или нет в сердцах масс), более одержимы, чем управители колониальных государств. По крайней мере, в нашем веке они верят в святость своего дела больше, чем их противники в законный характер своего господства. Шестьдесят лет назад француз не сомневался в цивилизаторской миссии Франции, так же как и англичанин в *тяжелой ответственности белого человека*. Сегодня же он сомневается в том, что имеет моральное право отказывать народам Африки и Азии в праве на родину (которая не может быть Францией), даже если эта родина всего лишь мечта, даже если она не способна быть действительно независимой» (курсив мой. – Л.Д.) [28. С. 84, 86]. Асимметрия воли и интереса объясняет, почему формально сильная сторона отказывается от продолжения борьбы.

Феномен *малой войны*, кроме указания на ограниченный характер боевых действий, указывает также и на малую приверженность целям войны со стороны сильной нации. В определенный момент выгоды, получаемые от достижения победы военным способом, оказываются не столь существенными по сравнению с людскими, материальными и моральными потерями от продолжения войны. Р. Арон отмечал: «Как можно удивляться тому, что консерватору однажды надоедает платить за восстановление порядка и оплачивать капиталовложения, которые идут в пользу народов, борющихся с ним?» [28. С. 84]. Это высказывание созвучно мнениям, которые прозвучали на страницах «Интернейшл Геральд Трибьюн» в отношении войны в Ира-

ке, – «война против оккупационных сил продолжается с неожиданной жестокостью и упорством», – и один из уроков, который американцы получили в Ираке и Афганистане, заключается в том, что «добрые намерения не всегда вознаграждаются» [13. С. 3–4].

1. *Правительствам демократических стран все труднее оправдывать цели войн (особенно «малой войны») и обеспечивать необходимую поддержку со стороны общества для их начала и продолжения.*

Эта гипотеза отправляет нас к наименее оспоренному тезису идеала И. Канта о «мире между республиками», где просвещенное общество не поддерживает агрессивную внешнюю политику своих правительств. В этом отношении показательно название недавней книги, посвященной анализу асимметричных конфликтов, Гила Мерома – «Как демократии проигрывают малые войны». Г. Мером намеренно «переворачивает» мнение о миролюбии демократий в свете критики теории «демократического мира» и, таким образом, удачно обостряет тезис, высказанный другими авторами, о причинах поражения развитых стран в конфликтах в третьем мире. Г. Мером отмечает, что политологи часто рассматривают общество как пассивный объект, вовлекаемый в военные действия политической и военной элитой, и не учитывают комплексный характер отношений между обществом, государством и войной [19. С. 3].

Полемизируя с приверженцами реализма, Мером доказывает, что современный «парадокс силы» (power paradox) объясняется внутренней борьбой двух сил (forces) в демократических странах – «государством» и частью образованного «среднего класса», который составляет основу «общества», по поводу трех аспектов ведения войн – инструментального, политического и нормативного. Указанные отношения Мером выражает в трех дилеммах:

– как примирить ценности гуманизма, которых придерживается часть образованного среднего класса, с жестокостью ведения антиповстанческих войн;

– как найти приемлемое для общества соотношение между жестокостью войны и готовностью принести жертвы во имя этой войны;

– как обеспечить поддержку войне, не подрывая устоев демократического порядка [19. С. 229–231].

Последняя дилемма – о соотношении войн и демократии – указывает на выявленную ранее тенденцию к нарушению или ограничению демократических устоев и ценностей в обществах, ведущих войны. Можно привести пример рассуждений на эту тему в классической работе К. Райта «Изучение войны», в которой он выводит «обратную» корреляцию между демократией и войнами: «Может быть обнаружена более убедительная статистически подтверждаемая корреляция при сравнении тенденции в сторону демократизации в периоды общего мира и обратного движения от демократии в периоды всеобщих войн. Эта корреляция может подтвердить, что скорее мир порождает демократию, чем демократия порождает мир» [26. С. 161].

2. *Стратегия поиска «слабостей сильного» и тактика не прямых военных действий, к которой прибегает слабая сторона.*

В послевоенный период многие национально-освободительные и антиколониальные движения ис-

пользовали стратегию партизанской войны, за счет чего им удавалось истощить если не силу, то волю противника и заставить его пойти на уступки. Известны рассуждения Мао Цзэдуна о стратегии и тактике партизанской войны [37, 38]. Любопытно, что его рассуждения почти дословно совпадают с анализом причин поражения США во Вьетнамской войне, излагаемых Генри Киссинджером. Оба политика отмечали, что причины победы (китайских партизан против японских оккупационных сил и вьетнамских партизан против армии США) крылись:

– в затяжном характере войны, которая истощала силы стороны, обладавшей военным превосходством;

– в тактике «малых побед» партизан и их уходе от прямых военных действий;

– в рассредоточении сил партизан в противовес концентрации сил противника, что позволяло партизанам «сохранять свои силы и уничтожать силы противника»;

– в опоре на местное население;

– в осознании справедливого (несправедливого) характера войны.

Главная задача слабого заключалась в том, чтобы «не проиграть» войну, а сильный должен одержать победу, чтобы «выиграть». Г. Киссинджер вывел известную формулу победы партизан – «партизаны выигрывают до тех пор, пока не проигрывают; регулярная армия терпит поражение, если ей не удастся одержать решающую победу». Кроме того, Киссинджер указал на другой важный фактор победы – способность обеспечить безопасность населения. Выигрывают те вооруженные силы – регулярные или партизанские, – которые способны ее полностью обеспечить. Эта задача зачастую оказывается непосильной для регулярной армии, находящейся на чужой ей территории, и «партизаны обречены на победу – раньше или позже». Показательны названия глав, посвященных войне во Вьетнаме в «Дипломатии» Г. Киссинджера: глава 25 «Вступая в болото»; глава 26 «По дороге к отчаянию» и глава 27 «Высвобождение», посвященная выходу из войны (Ch. 25. Vietnam: Entry into the Morass; Truman and Eisenhower; Ch. 26. Vietnam: On the road to Despair; Ch. 27. Vietnam: The Extrication. Nixon) [14].

В последнее десятилетие наиболее распространенной стратегией борьбы «слабых» против «сильных» стал терроризм. Немецкий ученый Х. Мюнклер утверждает, что терроризм как способ борьбы слабых «заменил партизанскую войну, которая в XX в. длительное время выполняла эту функцию». Терроризм отличается от партизанских войн наступательным характером, меньшей зависимостью от населения и способностью активно использовать инфраструктуры развитых стран для своих целей. Мюнклер полагает, что современный терроризм является разновидностью войны в ее классическом понимании как насильственное навязывание противнику своей воли, однако терроризм ориентирован «на асимметрию, посредством которой игроки, бесконечно уступающие в технологическом и организационном плане своему многократно превосходящему противнику, становятся способными вести войну против него» [41. С. 4, 6].

3. *Различие между партизанской войной и террористическими стратегиями сегодняшнего дня заклю-*

чаются в стратегической асимметрии. Если партизанские движения стремились достичь симметрии в отношениях с противником, а затем и победить его в вооруженной борьбе, то для террористических групп целью является разрушение морально-психологической способности противника без контакта с его военными институтами. Например, Мао Цзэдун писал: «Если в ходе войны мы сумеем проводить правильную военную и политическую линию, не совершая принципиальных ошибок, и будем прилагать максимальные усилия, то все факторы, благоприятные для нас и неблагоприятные для противника, по мере затягивания войны будут усиливаться, все больше изменять первоначальное соотношение сил и превращать превосходство противника над нами в наше превосходство над ним. С наступлением же определенного этапа в соотношении сил произойдут коренные изменения, которые обеспечат нам превосходство над противником, и это приведет Японию к поражению, а Китай к победе» [38. С. 232]. Мюнклер отмечает: «При этом профессиональный военный аппарат, в который современные общества делали большие инвестиции с целью обеспечения своей безопасности, просто-напросто “обходится”, избегается, и в качестве целей атак выбираются непосредственно легко уязвимые места этих обществ. По образному сравнению автора, «террористы уклоняются от конфронтации с железным кулаком противника, нанося вместо этого удары в подчреву область. Если удастся поразить это сплетение кровеносных сосудов и нервов, то железный кулак упадет сам собой» [41. С. 9].

Суммируя краткий обзор изучения асимметричных отношений в международных отношениях, можно привести слова авторитетного американского ученого, специалиста в области урегулирования конфликтов К. Митчелла, который полагает, что «важной аналитической задачей является выявление тех влиятельных атрибутов, которые определяют ход конфликта и его результаты, и *определение* различий в результатах симметричного и несимметричного распределения таких атрибутов и их влияния на возможное развитие и результаты конфликта» (курсив мой. – Л.Д.) [20. С. 57]. Можно выделить структурные (относительно устойчивые) и динамические (изменчивые) характеристики конфликтов, которые существенно влияют на ход и исход конфликта. Структурные характеристики – это силовые и ресурсные возможности, легально-правовой статус сторон, цели, отношения к конфликту, способность мобилизовать общество на борьбу, легитимность [27. С. 3–29]. К динамическим параметрам обычно относят применение разных тактик и стратегий, направленных на компенсацию силовой асимметрии.

Таким образом, в изучении парадоксов асимметричных столкновений можно выделить два полюса причинности – влияние социентальных и военно-стратегических факторов. Оба подхода нашли отражение в практике международных отношений.

Поиск оптимальной стратегии в асимметричных столкновениях или что и как делать? Стремление учесть «уроки» асимметричных конфликтов прослеживается к международной политике сильных игроков в период распада колониальной системы и блокового

противостояния периода холодной войны. Более очевидными и немедленными последствиями являлось изменение стратегии военных действий против относительно слабых противников. Можно выделить следующие тенденции:

- ограничение масштаба прямого военного столкновения (стратегии «локальных войн», «ограниченных войн», «конфликтов низкой интенсивности»);

- ведение вооруженных действий небольшими по численности специально подготовленными войсками;

- разведка и проведение превентивных силовых действий против вооруженных отрядов, опираясь на данные разветвленной сети агентуры;

- стремление найти поддержку населения, во имя интересов которого выступают сторонники борьбы против сильного, а также военная и материальная поддержка контрагента в данном обществе [36, 42];

- прекращение военного противоборства и переход к невоенным способам оказания давления на слабого игрока.

Обобщая стратегии поведения развитых стран в послевоенный период, можно выделить в качестве генеральной тенденции осторожное и дозированное применение военной силы, избегание прямого военного вмешательства во внутренние конфликты в странах третьего мира и более активное использование невоенных способов давления [34].

Важное изменение претерпела концепция переговорного процесса с учетом существующих асимметрий. С 1970-х гг. обращение к переговорному процессу как основе достижения компромисса базировалось на двух важных моментах, зачастую противоположных военно-стратегическим подходам. [6, 35]. Первое – это необходимость выравнивания статусов договаривающихся сторон, изначально не существующее, и более того, зачастую являющееся одной из причин конфликта; второе – поиск баланса интересов договаривающихся сторон, если не полная симметрия, то, по крайней мере, учет и сближение интересов. Такое изменение в какой-то мере отражало опыт неудач опоры на силовое доминирование и позиционных переговоров, но также было следствием использования методов математического моделирования конфликтов. Одной из основополагающей идей теоретико-игрового подхода было утверждение, что «разрешение конфликта возможно, *если только* его участники окажутся в симметричных отношениях друг к другу» (курсив мой. – Л.Д.) [43. С. 304].

Одним из факторов, оказывавших влияние на исход асимметричных конфликтов, было усиление нормативных и ценностных подходов в международной политике в послевоенный период. Такие концепции, как справедливость и легитимность, долгое время ассоциировались с системой норм, присущей замкнутому социуму, однако в послевоенном устройстве они становятся основными международной политики, и эта тенденция усиливается после окончания холодной войны [33. С. 3–14]. В основе послевоенного устройства были заложены демократические ценности и принципы, постепенная и последовательная реализация которых неизбежно порождала и продолжает вызывать противоречия между нормами, принципами, заявленными ценностями и реальными условиями функционирования

международной системы, объединяющими разнородные акторы. Определенную роль в распространении террористических тактик в международных конфликтах сыграло оправдание справедливых целей борьбы за «освобождение» и «самоопределение» со стороны либерально и левонастроенных политиков и движений в развитых странах, что привело к политической легитимации «борцов за свободу» [11. С. 26].

Специалисты в области международных отношений неоднократно обращали внимание на невоенные основания доминирования развитых стран в мире. Р. Гилпин, развивая теорию гегемонистской стабильности, указывал на то, что доминирование гегемона принимается в силу того, что оно обеспечивает определенные блага другим участникам системы – безопасность и благоприятные экономические условия – и, кроме того, может быть поддержано идеологическими, религиозными или иными ценностями, общими для некоторого числа государств [8].

Появление угрозы международного терроризма, действующего глобально против государств-основателей и гарантов норм, ценностей и принципов современной международной системы, разрушило иллюзии о повышении управляемости международной системы и возможностей нахождения компромиссов между асимметричными антагонистами. Современные проявления терроризма оставляют открытым главный вопрос – к каким политическим целям стремятся эти группы и насколько совместимы политические цели террористов с целями и ценностями стран, против которых они ведут борьбу. Американский ученый Д. Стивенсон назвал два варианта поведения «сильных» в этом тупике тотальной войны: капитуляция и переговоры с террористами, отказ от защиты своих традиционных союзников в регионе выхода террористов, что является «непривлекательным морально и политически»; либо полномасштабная мобилизация Запада, что является рискованным и деструктивным [45].

В данный момент правительства стран, вовлеченных в борьбу против международного терроризма, вынуждены ужесточать внутренний контроль, делать менее прозрачными национальные границы и убеждают своих граждан в необходимости мобилизации общества на войну против общенациональной и даже общечивилизационной угрозы. Все эти действия оцениваются как ограничения демократических устоев развитых стран во имя обеспечения безопасности. Одновременно происходит переосмысление роли силовой компоненты безопасности – пересмотр военных доктрин, структуры и системы подготовки вооруженных сил, разработка новых превентивных стратегий, стремительное увеличение расходов на оборону и деятельность разведывательных служб [3, 22, 24]. Особую озабоченность военных, силовых ведомств вызывает непредсказуемый и плохо прогнозируемый характер современных угроз. Американский аналитик Р. Ворли в работе, посвященной проблеме асимметричных конфликтов отмечает: «в войне всегда присутствует элемент непредсказуемости, но главной тенденцией после окончания холодной войны является драматическое возрастание непредсказуемости. Если суммировать изменившиеся условия, то можно сказать, что произошел драматический сдвиг в

балансе между тем, что фиксировано (является относительно определенным) и тем, что является переменным (относительно неопределенным)» [25].

Интерпретации асимметрии. Концепция «асимметрии» в строго научном смысле понимается как отсутствие или «нарушение симметрии у объектов, которым свойственно наличие симметрии, а также как сочетание объемно-пространственных элементов, характеризующееся отсутствием оси симметрии». Концепция асимметрии строится на противопоставлении симметрии как отсутствия равенства частей целого и как фактическое нарушение структуры изучаемого объекта, как неравенство или несоразмерность чего-либо. При анализе концепции симметрии и асимметрии обращает на себя внимание, что они применяются для анализа целостных объектов, их структур и составных частей. *Оба понятия применимы для анализа соотношения частей целого, а не для сопоставления отдельных элементов независимых или не связанных между собой сущностей.* Это обстоятельство особенно важно принимать во внимание при перенесении этих концепций из области естественных наук в область общественно-политического анализа.

В гуманитарных науках концепция асимметрии не имеет выверенного определения и часто применяется интуитивно, без строгой привязки к лингвистической семантике этого слова. Однако существуют устоявшиеся термины, которые демонстрируют логику применения концепции асимметричности в гуманитарной сфере, например «асимметричная федерация», под которой понимают федеративное устройство, где субъекты Федерации имеют неравный конституционно-правовой статус и объем полномочий. Ключевой смысл этого слова передается понятиями «неодинаковости», «неподобия», «отсутствия аналогии» применительно к соотношению частей единой системы. Асимметрию в международных отношениях можно определить как *отсутствие тождественности между субъектами, различными у них статусами, материальными и нематериальными ресурсами, тактиками и стратегиями международного поведения.* Однако важно понимать, что корректность применения термина требует, чтобы отношения между субъектами, изучаемые при помощи концепции симметрии/асимметрии, были постоянными, организованными и структурированными.

Логично предположить, что симметричные отношения подразумевают взаимную тождественность (статусов, ресурсов, интересов и т.д.) субъектов, а также однотипность их взаимодействий. Совершенно очевидно, что значительная доля взаимоотношений, которые изучают социально-политические науки, включая международные отношения, является асимметричной, однако концепция асимметрии не является значимым элементом анализа в гуманитарных дисциплинах. Можно предположить, что это подразумевает априори невозможность достижения полного равенства субъектов взаимоотношений и возможность достижения гармоничных отношений между асимметричными акторами.

Концепцию асимметрии, воплощающую идею нарушения предположительно симметричного мироустройства, начинают применять в теории и практике международных отношений. Можно проследить отход от

линейного понимания асимметрии как простого неравенства сил и статусов, которое в рамках иерархичных отношений рассматривают как нормальное и даже желаемое состояние и которое является основанием для доминантной легитимности. Все чаще исследователи, политики и военные обращаются к парадоксальным проявлениям асимметрий, пытаются понять и выработать адекватные реакции на данные противоречия.

Дискуссии о парадоксах асимметричных отношений в международной политике вновь возвращают нас к традиционному спору о соотношении силы, норм и ценностей в организации международной системы. Недавние работы Р. Кейгана [30] стимулируют дискуссии о парадоксах «силы слабого» и «слабости сильного» ведущих игроков мировой политики. Обращение к проблеме обеспечения безопасности вновь напоминает о том, что понятие силы является комплексным и не определяется

совокупностью силовых, экономических и людских ресурсов и что в условиях реальных конфликтов превосходство в военной силе может быть компенсировано за счет нахождения уязвимых мест у сильного противника.

Как отметил М. Мандельбаум, «вся огромная военная и экономическая мощь США не может обеспечить то, что лежит вне силы оружия и власти денег» [17. С. 73]. Применительно к сегодняшней ситуации асимметричных столкновений необходимым условием безопасности является единство ценностно-нормативного пространства, в котором большинство участников взаимодействия придерживались бы правил игры без принуждения, как результат добровольного выбора. Именно этого необходимого условия гармонии международных отношений сейчас не существует, и для его развития нужны время, усилия и желание.

Статья является первоначальным вариантом текста, предоставленного на конкурс статей в журнал «Международные процессы», где признана лучшей. Ее сокращенный вариант опубликован в № 3 (9) журнала за 2005 г. под названием «Парадокс асимметрии в международном конфликте».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arreguin-Toft I.* How the Weak Wins Wars: A Theory of Asymmetric Conflict // *International Security*. 2001. Vol. 26, № 1.
2. *Callwell C.* Small Wars: Their Principles and Practice. Nebraska: University of Nebraska Press, 1996.
3. *Canonico P.* An Alternate Military Strategy for the War on Terrorism. Thesis. Naval Postgraduate School, Monterey, California, USA, December 2004. Режим доступа: <http://www.ccc.nps.navy.mil/research/theses/canonical04.pdf> – дата посещения 29 апреля 2005.
4. *Discussion between R. Wedgwood and K. Roth.* Combatants or Criminals? How Washington should handle terrorists // *Foreign Affairs*. 2004. May/June.
5. *Fischerkeller M.* David versus Goliath: Cultural Judgments In Asymmetric Wars // *Security Studies*. 1998. Vol. 7, № 4.
6. *Fisher R., Ury W.* Getting to Yes. Negotiating Agreements without Giving in. N.Y.; L.: Penguin Books, 1991.
7. *Flynn S.* America the vulnerable // *Foreign Affairs*. 2002. January/February.
8. *Gilpin R.* War and Change in World Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 1981.
9. *Guerrilla Strategies / Ed. by Chaliand, G.* Berkley. University of California Press, 1982.
10. *Hart J.* Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations // *International Organization*. 1976. Vol. 30, № 2.
11. *Hoffman B.* Inside Terrorism. L.: Indigo, 1999.
12. *Howard M.* The Forgotten Dimension of Strategy // *Foreign Affairs*. 1979. Vol. 57, № 5.
13. *International Herald Tribune*. 2003. 20–21 September.
14. *Kissinger H.* Diplomacy. N.Y.: A Touchstone Book, 1995.
15. *Leader S.H.* The Rise of Terrorism. Режим доступа: <http://www.securitymanagement.com/library/000339.html>
16. *Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // *World Politics*. 1975. Vol. 27, № 2.
17. *Mandelbaum M.* The Inadequacy of American Power // *Foreign Affairs*. 2002. September/October.
18. *Maos Z.* Power, Capabilities and Paradoxical Conflict Outcomes // *World Politics*. 1989. Vol. 41, № 2.
19. *Merom G.* How Democracies Lose Small Wars: State, Society, and the Failure of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003.
20. *Mitchell C.* Asymmetry and Strategies of Regional Conflict Reduction // *Cooperative Security: Reducing Third War Wars / Ed. by W. Zartmann, V. Kremenyuk.* N.Y.: Syracuse University Press, 1995.
21. *Paul T.V.* Asymmetric conflicts: War initiation by Weaker Power. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
22. *Ramsfield D.H.* Transforming the Military // *Foreign Affairs*. 2002. May/June.
23. *Ray, J., Ayse V.* Power Disparities and Paradoxical Conflict Outcomes // *International Interactions*. 1986. Vol. 12, № 4.
24. *Roberts B.* Asymmetric Conflict 2010, Institute For Defense Analyses, Alexandria, Virginia, USA, Ida Document D-2538, November 2000. Режим доступа: <http://www.ida.org> – дата посещения 31 марта 2003.
25. *Worley R.* Asymmetry and Adaptive Command // *Military Review*. 2001. July/August. Pt. 8: Command & General Staff College, Fort Leavenworth, Kansas, USA. <http://www-cgsc.army.mil/milrev/> – дата посещения 31 июля 2002.
26. *Wright Q.* A Study of War. Chicago: Phoenix Books, 1964.
27. *Zartman W.* Dynamics and Constraints in Negotiations in Internal Conflicts // *Elusive Peace: Negotiating and End of Civil Wars / Ed. by W. Zartman* Wash.: The Brookings Institution, 1995.
28. *Арон Р.* Мир и война между народами / Ред. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000.
29. *Асимметричная война.* Передача «Поверх барьеров», автор Александр Генис. Радио Свобода, 27.09.2003. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.082303.asp> – дата посещения 20.04.2005.
30. *Кейган Р.* О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: Дом интеллектуальной книги, 2004.
31. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Эксмо, 2003.
32. *Комлева Н., Борисов А.* Асимметричные войны – геополитическая технология современного терроризма // *Обозреватель*. 2002. № 11–12. Режим доступа: http://rau.su/observer/N11-12_02/index.htm – дата посещения 20.04.2005.
33. *Косолапов Н.А.* Легитимность в международных отношениях: эволюция и современное состояние проблемы // *МэиМО*. 2005. № 2.
34. *Кременюк В.А.* Современный международный конфликт: проблемы управления // *Международные процессы*. 2003. Январь–апрель. Т. 1, № 1.
35. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. М.: Аспект-Пресс, 1997.
36. *Локальные войны XX века: Роль СССР.* Материалы круглого стола // *Отечественная история*. 1992. № 4. С. 3–36.

37. Мао Цзэдун. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков // Избранные произведения. М.: ИЛ, 1953. Т. 2.
38. Мао Цзэдун. О затяжной войне // Избранные произведения. М.: ИЛ, 1953. Т. 2.
39. Мейз М. Эпоха стратегической асимметричности: Способность использовать нетрадиционные способы ведения войны определяет победу // Независимое военное обозрение. 2005. № 14 (423).
40. Министр обороны Соединенных Штатов Коэн о потенциале химической, биологической и электронной войны // Washington ProFile. 2000. Режим доступа: <http://www.washprofile.org/OLD/WOL000918.htm> – дата посещения 23.04.2005.
41. Мюнклер Х. Терроризм сегодня. Война становится асимметричной // International Politic. 2004. № 1.
42. Россия (СССР) в локальных и вооруженных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.
43. Светлов В.А. Аналитика конфликта: Учеб. пособие. СПб.: Росток, 2001. С. 304.
44. Социология современных войн: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова, И.П. Рязанцева. М.: Альфа-М, 2004.
45. Стивенсон Д. Стратегия «сдерживания и профилактики» терроризма // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 1(7).

Статья представлена кафедрой мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 9 марта 2006 г., принята к печати 16 марта 2006 г.